

ВИЛЬЯМ ХАРТ

Л. ШТАЙНМАН

• КИНОПЕЧАТЬ •

Ил. ТРАУБЕРГ

ВИЛЬЯМ
ХАРТ

МОСКВА

ЛЕНИНГРАД

1926

Вильям Харт

О романтике, фермерах и прочем таком

От Атлантического океана до Тихого — Соединенные Штаты Америки. Города — большие, шумные. Дома, царапающие небо, прямые, ровные и скучные. Лифты, белками бегающие по десяткам этажей. Уличные потоки машин и людей. Мириады электрических вольт. Мили теле-фонных и -графных проволок. Концентрация человеческой техники. Владычество доллара биржи и „400“.

Тупые, как „бостон“, консервативные, непреклонные и узкие как „джим“ — деловитые янки. Облеченные в наимоднейшие костюмы, с наимоднейшей формации телами. От изуродованных, привыкших лишь к городским панелям ног до из'еденных сигарным дымом зубов.

Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Филадельфия, Сан-Франциско — более передовитые, нежели сам XX век.

И никакой романтики. Кроме фальшивой сантиментальности статуи Свободы и Белого Дома.

И из степей далекаго Запада ушла, легкая как мечта, романтика. Погиб последний из Могикан. Оцеола, вождь семинолов, запил горькую, и все племя его выродилось. Монтигомо-Ястребиный. Коготь мирно учится в Оксфорде во вполне корректной Англии.

А прерии, свободные когда-то и дикие, заселены фермерами: не теми, для кого винтовка была привычней галстуха, а лошадиная спина приятнее мягкого стула. Но

теми, кто по воскресеньям отправляется в церковь на собственном форде, принимает радио-концерты из Лондона и имеет солидных размеров личный счет в ближайшем банке.

И даже ковбои учатся фокстроту и пыхтя изучают чарлзтон...

Цивилизация — наступает. И побежденная романтика сворачивается в книжные томики и возлегает на полке школьников всех стран. Фенимор Купер, Майн-Рид, Буссенар, Жаколио и др. обольстительные романтики — вы дискредитированы навсегда. Ваши герои ушли в предание.

Но ваши легенды не погибли.

Что же может затормозить бег неудержимый времени, остановить мгновение и размножить его, воскресить и облечь в двухмерные образы ушедшие в предание тени? Что может повернуть колесо жизни в обратную сторону?

Конечно — кино. Все тот же Великий Немой. Он ведь многое может.

Обманщик с невероятно честным лицом, он совершает самые рискованные эксперименты со временем. И подчас из „бизоньих консервов“ пытается сделать свежее, сегодня изготовленное жаркое. Он взял на себя задачу волшебника Калиостро, скомпилировал Купера и Майн-Рида и создал „героев Дикого Запада“.

Социальные причины зарождения жанра „cowboy“

Фермеры с фордом, радио - установкой и неограниченным счетом в банке любят с огромным удовольствием теми, кто впервые запустил лопату в эту плодородную землю. И чувствуют себя как ружье - пулемет перед муш-

Билль Харт и его лошадь Пинто

кетом. Но неловко ощущают в себе отсутствие той романтики, которая ключом бьет с экрана...

Как следствие неизменного стремления воскресить очаровательное былое, так едко высмеянное „Нашим гостеприимством“ Китона, — родились кино - ковбой. Это — социально.

Причины формальные

Как неизбежный вывод из формулы того момента: „кино, прежде всего, динамика“ — создались сгустки неизбежной динамики — ковбойские фильмы.

Темп головокружных, невероятных по скорости движений — вот альфа и омега этих фильм. Движение — это основа ковбойских картин. Отсюда — скачки, погони, неудержимое стремление элементов экрана из одного угла в другой, стремление, опьяняющее зрителя.

Это — формально.

Эпоха и момент создали спрос.

Спрос рождает предложение.

Предложение — людей.

Арт Аккорд, Гарри Карей, Вильям Дункан, Эдуард Джибсон, Джек Хокси, Чарльз Джонс, Том Микс, — а в просторечии: Бук, Томми, Билли Хут, Джи и т. д., все они — „кино-ковбой“, прямые наследники „героев Дикого Запада“, создатели обольщающей романтики экрана.

Ковбой, как таковые

Невысокие — в большинстве, смуглые от солнца прерий, в „сомбреро“ — шляпах, поля которых подобны этим прериям, в блузах защитного цвета, увешанные оружием

более, нежели Бэстер Китон в „Нашем Гостеприимстве“ — они покачиваются на чуть кривых от верховой езды ногах, облеченных в щедро широкие, отороченные густым мехом штаны. Покачиваются и посматривают на весь мир глазами „сорви-головы“, для которого дикая скачка, кончающаяся прыжком в пропасть, — обычный послеобеденный моцион...

„Зрелища Дикого Запада“ („The Wild West Shows“) вошли в разряд кинематографа еще десять — пятнадцать лет назад. Ампула „кино-ковбоя“ было боевым крещением для многих актеров. Ни Дуглас Фербэнкс и Уоррен Кэрриген, ни Митчель Льюис, ни Джек Холт, ни многие другие — не могут похвастать тем, что их головы не были украшены сомбреро, а за поясом не торчала батарея кольтов. Эта униформа красит мужчину, и кино-актеры часто обращаются к ней.

Сущность кино-ковбоя

Для „кино-ковбоя“ нет ничего дорогого: он не признает ни сценария, ни режиссера, ни партнеров. Для него существуют: во-первых — собственное „я“, во-вторых — любимая лошадь. Лошадь — это вторая половина „я“ современного кентавра. На земле он чувствует себя неуверенно, без почвы. Но когда ноги его, в стремях, обнимают крутые бока тренированного перед аппаратом коня — „кино-ковбой“ — со щитом.

Логика действий ковбоя несложна и однообразна, как трава в прериях. Его мировоззрение не шире полей сомбреро. Он всегда борется. С кем-нибудь или с чем-нибудь. Он поборник справедливости, хотя бы и свое-

образной. Традиции Купера велят ему быть героем, а для этого звания необходимо защищать слабых и угнетенных и уничтожать зло.

И потому обыкновенный кино-ковбой прост и понятен, как след от иноходца.

О Харте

Вильям С. Харт — не обыкновенный кино-ковбой. Он — „герой Дикого Запада“ с коррективами. Эти коррективы сильно расширяют горизонт его фильм. Он не только „натурщик на коне“. Он — целый комплекс какого-то определенно-актерского творчества, оригинального и влияющего на самую теорию о кино-актере. И вся его психология заключается не только в сомбреро, лассо и кольцах.

Если с любого американского ковбоя снять его богатые пышным мехом штаны и все прочие атрибуты его амплуа — перед нами — пустое место. Он испарился, его „я“ бесследно исчезло вместе с пышным мехом широких, как колокол, брюк. Уберите его лошадь — и он не даст вам ни одного ценного движения, ни одного жеста.

Вильяма Харта можно смотреть и без лошади. Униформа ковбоя — наиболее подходящий для него фон, функции этого амплуа ему нравятся — вот почему Харт избрал роль ковбоя. Каждый актер ищет подходящую для себя условную рамку и потом по мере сил пытается ее расширить. То же сделал и Харт.

Биографическая канва

Вильям Харт — старейший из создателей жанра „героев Дикого Запада“. Если не по стажу, то по возрасту. Он родился в декабре 1874 года. Место рождения — как ни

„Вильяма Харта можно смотреть и без лошади“

странно — штат Нью-Йорк, городок Ньюбург. Детство его не настолько примечательное, чтобы ему уделять особое внимание.

Юношей пятнадцати лет он начинает работу в театре. Этому не надо удивляться: пятьдесят процентов артистов американского экрана прошли в кино мимо и через рампу театра. И многие из них начали гранить подмостки в детском возрасте.

Вильям Харт был способным актером. Он быстро выдвинулся в первые ряды театральных „кумиров“. Он был партнером известной драматической актрисы Модецкой, выступал в лучших пьесах старинного американского театра, богато питавшегося мелодрамой и сентиментализмом.

Четверть века Вильям Харт провел в стенах театра и не подозревал о существовании искусства Великого Немого.

Кино уже развилось в цельное и самостоятельное искусство, соблазнило многих служителей Мельпомены. Уже Пикфорд была „звездой“, а Фербэнкс — кино-актером. И только тогда Вильям Харт обернулся лицом к искусству кинематографа. И немедленно пал. Как всегда — все.

Его кино-карьера началась в 1914 году — год великих потрясений в мире, но не в кино. Харт стал учеником покойного ныне режиссера Томаса Инса.

Карьера Харта

Томас Инс, пожалуй, самый деловой режиссер. Он не творил как Гриффит, не работал как Любич, не создавал как Строггейм, не ваял как Ингрем — он производил фильмы.

Типичный „producer“, он фабриковал фильмы, как консервная фабрика — бычки в томате. Он выпустил множество картин. Он ухитрялся фабриковать одновременно до 8 фильм. В этом ему помогала манера работать по „железному сценарию“.

Прекрасный режиссер, он тем не менее был чуть-чуть ремесленник. И даже Муссиак, восхищающийся „удивительным порывом, мощным пафосом в самых мельчайших деталях, глубоко волнующим лиризмом“ Инса, все-таки не забывает „о не слишком совершенном ремесле“.

Вильям Харт сумел воспринять и порыв, и пафос, и мощь, и лиризм, и чеканку деталей. Но и фабрикацию бычков в томате — тоже. Привкус машинизации передался ему и чувствуется во всех его фильмах.

Вильям Харт целиком перенял от своего первого киноучителя эти положительные с коммерческой стороны, но отрицательные со стороны художественной качества.

Он дебютировал в фильме „The Bargain“ и, нащупав незамедлительно правильный путь, он неуклонно придерживался его до конца своих кино-дней.

От Томаса Инса Вильям Харт перешел в известное кино-общество „Парамунт“, где количество выпущенных им фильм превзошло такое же у Инса.

Но Вильям Харт на этом не останавливается и идет дальше по трафарету почти каждого большого американского кино-актера: он организует свое собственное кино-предприятие.

Материальный успех его фильм разрешает ему это и даже приказывает.

И вот, последние номера американских кино-журналов рассказывают нам об уходе Харта с экрана. Он больше

не актер. Он — только производственник. Он не будет кокетничать с экраном, как кокетничал ныне покойный Валентино, который уходил каждый год и возвращался по получении тысячи слезных писем от своих поклонниц. Харт действительно не вернется. Ему пятьдесят лет, и ноги его уже не крепки для лошадиных ребер...

Харт ушел, но его фильмы так скоро не сойдут с экрана. Во-первых потому, что их много, во вторых потому, что они хороши и увлекательны. Относительно, конечно...

Фильмы Харта

Количество фильм Вильяма Харта велико настолько, насколько мал диапазон их тем. На протяжении одиннадцати лет своей кино-работы он выпустил свыше трех-четырёх десятков картин. Его фильмы были наиболее популярны в Америке и в Европе. И сравнительно небольшая шляпа Вильяма Харта крыла огромные сомбреро всех прочих ковбоев.

Мы не ошибемся, если скажем, что у Харта мало очень хороших картин и совсем нет прекрасных. Все его фильмы идут под рубрику: хорошие и средние, и нет у него очень скверных картин.

Несомненно хорошая картина „Шарк Монро“, сделанная в сотрудничестве с Инсом.

В СССР было много фильм с участием этого киноковбоя: „Среди неприступных гор“, „Секрет“, „Гроза Юкона“, „Черный Биль“, „Расплата“, „По случайным следам“, „Караван Миссури“, „Железнодорожные хищники“, „В горах Колорадо“, „Всадник с гор“, „В степях Арizonы“ и др.

Фильмы Харта оставляют какое-то двойственное впечатление. С одной стороны узость темы, трафарет сценария, шаблонность ситуации — это все заставляет смотреть фильмы Харта — не часто. После двух фильм трудно пойти сейчас же смотреть третью. Зритель рискует пе-

Кадр из фильма „Секрет“

репутать нити сюжетов и счесть „Железнодорожных хищников“ — „Хищниками Флориды“ и наоборот.

Действие идет всегда от одного полюса к другому и никогда не повернет вспять. Так предопределено самой структурой американской кинематографии. И Вильям

Харт не отступит ни на шаг от положенного законами экрана трафарета. Он стремится к тому, чтобы вся фильма носила характер чего-то приятно знакомого, не утруждающего внимания, которое целиком должно быть сконцентрировано на самом Харте.

Пожалуй, он этого заслуживает.

Типаж Харта

Его партнершами выступали самые разнообразные артистки, начиная с Анны Нильсон и кончая Евой Новак. Но никогда, во всех этих фильмах Вильям Харт ни на йоту не изменял выражения своего узкого, худощавого лица, с крутым, будто срезанным подбородком, плотно сжатыми губами, глубокими, под насупленными бровями — глазами и темными волосами. Он — всегда он.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Вильяма Харта — его типичное индейское строение лица. Если сдернуть сомбреро и всунуть орлиное перо за ухо — оживет Оцеола, вождь семинолов и Монтигомо - Ястребиный Коготь, гроза бледнолицых. Так от Харта веет на зрителя пампасами, прериями, лианами, мустангами и прочим экзотическим. Он оригинален, черты его лица приятно не укладываются в гармонию. Глаз зрителя это радостно ловит и отдыхает от красот Валентино и ему подобных.

Психология Харта

Харт суров. Он редко улыбается. Все его поведение чуть угрюмо. Но в этой суровости чувствуется сила, столкнувшаяся с природой, борющаяся с ней, одолевающая

ее. В Харте чувствуется человек. Он с головы до ног мужчина. Но зато, когда он улыбается — на экране становится светлее. В этом ценность редко повторяющегося актерского движения: зритель наслаждается им на все 100%.

Харт прост и не любит цивилизации. Ему претит все городское. Город — это воплощение всего скверного, мутного, грязного и фальшивого. А Вильям Харт, хотя и не физиократ, но очевидный пуританин. Даже по отношению к женщинам Харт скромнее Иосифа Прекрасного и корректнее Лейхтвейса. В любви он умилителен и чуть смешон — этот большой, суровый, бесстрашный мужчина, робеющий перед маленькой женщиной.

Город и цивилизация обманули Вильяма Харта. И не раз. И потому он сторонится их. Его убежище — неприступные горы. Он не анахорет, но не любит шума и людской назойливости. Чтобы подчеркнуть силу своей природы он должен быть нелюдим.

А чтобы подчеркнуть свои положительные качества, он окружает себя лицами отрицательного типа. И счастливый бог кино-фильм дарует ему торжество победы.

Мораль Харта, в большинстве случаев, неглубока и наивна. Иногда — импонирует. Но иногда режет глаз и

смешит. В „Железнодорожных хищниках“ Харт изменяет шайке, спасает государственное имущество и получает вознаграждение. В этот момент у него очень глупое лицо. Он должно быть себя неловко чувствует. Мораль не в стиле благородных традиций разбойничества средневековья...

Но в конце-концов непростительно наивно оценивать строго мораль американского кино вообще и Харта в частности. Ценна отнюдь не мораль. Привлекательнее для исследования самая кино-сущность артистизма Харта. Полезны для изучения методы его творчества. Манера держаться, скупость жеста, точность мимики, убедительность поведения. От манер Харта зародились манеры талантливых — Силлса, Мейгана, Бартельмеса и др. От его актерской школы что-то взял и Гриффит.

Харт оставил глубокий след в искусстве кино-актера. И если он ушел, — значит потому, что больше ничего дать экрану не мог.

Экран жесток.

Прощайте, Вильям Харт, гроза прерий!

Ил. Трауберг

new 81 arch

Цена 10 коп.

2.50
119763/5 88 7

